

* * *

Это было давно. Я не помню —
когда.

Только помню — в реке
отстоялась вода

От разгула весны, и в осколок
пруда

Волоокой коровой смотрела
звезда.

Ей-то что этот пруд? Не пойму,
не пойму!

И зачем это мне?.. Я накинул
суму

И с порога — в овраг, а вернее,
во тьму,

И — в огромную жизнь, как в
большую тюрьму.

— Принимай, вертухай, да
позорче следи!

Вишь, с сумой, значит, хочет
далёко идти...

— Никуда не уйдёт! Жуткий
мрак впереди!

— Но ведь прямо идёт! Может,
свечка в груди?..

И скрутили меня. Я хрипло и
мычу.
Отворили ребро и забрали свечу.
Но... явилась звезда! Я иду по лучу
И над тем вертухаем не зло
хохочу.

Он-то думает: я — без свечи,
как с бедой.

Он-то думает: я — за питьём и
едой.

И не знает чудак, что иду за
звездой

В ту страну, где есть реки с
живою водой.

* * *

Проезжая Урал, засмотрюсь на
дома.

Я не знаю, как выглядит сбоку
тюрьма,

Но, похоже, что так...

Полустанок, тулуп.
Я люблю тебя, стрелочник, —
вечный Колумб!

Дом — барак на версту. Дым —
согнутый в дугу.

И сохатый, плывущий в
глубоком снегу.

Проезжая Урал, прикипаю к
стеклу.

Всё меняю — пружину,
пластинку, иглу...

Ярый камень на склонах.
Ступенчатый лес.

И в тоннеле состав, как в
штанине протез,

Прогрохочет и гарью наполнит
вагон,

И опять на простор — за
закатом вдогон.

Я не знаю, как выглядит сбоку
тюрьма...

Серый цвет этих брёвен, белья
бахрома,

Нежилые огни слеповатых окон
Мнут пространство, как скатерть,
и ставят на кон

Для игры с январём под
вечерней звездой

Фонаря одинокого нимб золотой.

Но грохочет на стыках шальной
подо мной

Малахитовый ящер на сцепке
стальной.

Задержись на мгновенье! Дай
глянуть игру!

Всё равно мы успеем на место к
утру,

Потому что любое — в такой
белизне,

В этой нищей, богатой снегами
стране —

Нам к лицу. Но летим по
уральской зиме

Мимо изб, что притихли
(себе на уме!),

Протопились, поди, ни дымка из
трубы,

Занавесили окна, катают бобы,
И не знают, что рядом, под сипы
колёс,

Едет некто, который их любит
до слёз.

Потому что он сам из такой же
избы,

Потому что в эпоху сопливой губы
Он в ночах подсмотрел сквозь
кружочек в стекле,

Как видения бродят в
заснеженной мгле

Я запутался в ваших поводьях
Всей своей непонятной судьбой.

Голубые гривастые звери!
Мост Аничков — родное село!
Подойду, засмотрюсь и поверю,
И услышу, как скрипнет седло.

Только скрипнет и — всё!
И — погнали!
Берегитесь подков, «жигули»!
Вы такое видали едва ли,
Да и где бы увидеть могли?

На Дворцовой? Так это не кони.
Их, покорных, ведут в поводу.
На таких не умчишь от погони,
И подковой не выбьешь звезду.

А для этих — все звёзды под ноги!
Унесут, растворятся во мгле,
Даже если не будет дороги,
Даже если я мёртвый в седле.

Унесутся! Хоть к Господу-Богу!
На кровавых губах унесут!
Потому что иначе не могут,
Потому что я знаю — спасут...

* * *

Вот и снова пурга завела карусель,
Развернула под окнами белую
скуку.
Это Павел Васильев стреляет
гусей,
Сквозь решётку просунув
двуствольную штуку.

И валит белый пух, над страной
гогоча,
А в подвалах Лубянки ни
капельки света.

И озноб сотрясает плечо палача.
И оглохла Москва от казачьих
дуpletов.

Ой, земляк, сколько выбил из
птицы пера!
Ой, земляк, так стреляют лишь
перед бедою...
Наберу полный чан голубого добра,
Растоплю и омоюсь небесной
водою:

Отомрут все печали, пахнёт
польнём,
И на гнутых ногах казаны возле
стаек
Развернут животы над кизячным
огнём,
И татарской луною сестрёнка
босая

Станет дуть на угли, на колени
припав,
И забулькает варево — пшёнка с
картошкой.
Ах, как вкусен кулеш с горьким
запахом трав
И печёной на углях пшеничной
лепёшкой!

И овчинным тулупом туман от
реки
Наползёт, и в ночное отправятся
кони,
И в посконных рубахах замрут
мужики,
Уронив на колени большие
ладони...

Где ты, эта страна? Затерялась
в веках.
Саманы, таганы, запах пала и
каши,

И тяжёлая доля в тяжёлых руках,
И побитые холками задницы
наши...

Бей, Павлуха! Пали! Пусть
валит белый пух!
Коль не дали допеть, дайте здесь
насладиться...

Пролетит над страной
красноклювая птица,
Но напрасно замрёт в ожидании
слух.

Не допел... Вороной у далёкой
юрты
Не дождётся хозяина. Вымерло
поле.

Горькой солью, проклятою
горькою солью,
Забивали не только кайсацкие рты.

Я смотрю за окно. Я живу сам
не свой.

Эх, Россия-кошёвка, ну, что ж
ты, ей-богу,

Вновь летишь над обрывом...
убит ездовой...

Вороной без вожжей не осилит
дорогу.

* * *

*А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме...*

М. Волошин

Я люблю мой народ, даже если
он злой,
Даже если он в вены заходит иглой,
Даже если он пьёт эту мерзость,
вино,
Даже если бомжует, люблю всё
равно.

Оттого, что я сам из такой же
толпы,
Мы однажды сойдёмся у края
тропы

И покатымся в пропасть, по
влаге скользя,
Потому что России без крови
нельзя,

Потому что она во вселенной
одна;
Потому что не знает, какая вина
У неё за плечами и кто по
ночам
Указует дорогу её палачам...

Новый Дант, наклоняясь над
новой строкой,
Пишет новое слово великой
рукой,

Но молитва святая из слов
дорогих
Не доходит до слуха ни тех, ни
других.

Это было. Волошин молился
уже,
Но сходился народ на крутом
рубеже

И, оглохший, стоял. И тупились
клинки.

И на четверть, на треть
поистерлись бруски.

Я вперёд посмотрю — нет
печальней страны,
Я назад оглянусь — нет за мною
вины,

И не знаю, кто сможет меня
научить,
Что мне делать — молиться иль
саблю точить.

Но молюсь! И, склоняясь в ночи
над столом,
Я сжимаю перо троепёрстным
узлом,
Подбираю слова, потому что
люблю,
Потому что не выживу, если
убью.

* * *

*Но надо глубже вжиться в
полутьму
И глаз приноровить...
Р.М. Рильке.*

...Всё это так. Но если за углом
Войдёшь в толпу, как в жуткий
бурелом, —
Скрещенье рук и судеб. Толчея.
И ты корявой веткою людскою
Уже горишь. Томит огонь
тоскою,
Сравнимую с печалью бытия.

Но, если Невский тонкою стрелой
С гранёной золочёною иглой
Отпущен с тегивы, летит в закат,
И ты причастен к этому полёту —
Ты даже не завидуешь пилоту,
Вонзающему в солнце свой
снаряд,

Поскольку хорошо, и воздух
чист,
И переходы охраняет свист,
И не скрипит в «Икарусе» излом,
И можно сесть к стеклу,
смотреть на Думу,
И думать о прекрасном — вот
найду, мол...
Всё это так. Но если за углом

Отсутствует народ и тишина
Такая, что вселенная слышна,
И светит зыбким жёлтая игла,
И в царском доме зажигают
свечи,
И в небесах, где воздух пахнет
вечным,
Расправит ангел тяжкие крыла —

Ты повисаешь каплей, невесом!
И площади Дворцовой колесом
Раскручен, до песчинки
упрощён...
Россия, Русь! Темно твоё начало...
И где-то катер взвояет у причала,
И чёрный Гоголь прощуришит
плащом.

Куда спешит, несёт печаль кому?
И я, вживаясь глубже в полутьму,
Сужаю зренье и смотрю, смотрю,
И вдруг пойму сквозь темноту
воронью,
Что камни дышат. Прикоснусь
ладонью:
«Воистину живые...» — говорю.

У СТИКСА

Вот здесь и сядем около куста,
Где есть ещё свободные места
И солнечных лучей не очень
густо.
Пусть нам с тобой нальют вина
в сосуд
И каждому по драхме принесут,
Чтобы во рту не оказалось пусто.
Покой и свет. Медвяный запах
лип.
Издалека — уключин мерный
скрип...

Поговорим. Мы не наговорились.
Мы просто были, хлопали
дверьми,
И, хлопаньем довольные вельми,
В соку своём томились и варились.

Оглянёмся... — ах, эта колея!
Супонь, гужи, потёртая шлея,
Возницы брань, и кто-то лает,
лает.
Как будто ты не ради жизни жил,
А занят был вытягиваньем жил
Своих, а для чего — никто не
знает.

Теперь им нас назад не заманить.
Слабее пульс, почти незрима
нить...

Пора! пора... Старик всё ближе,
ближе.

Сейчас он нам засунет пальцы в
рот,
И, ухмыляясь, драхмы заберёт,
И мы увидим: не седой он —
рыжий.

А это — солнце. Он седой. Седой.
Он столько лет работает с водой!
Тяжёлая! На омутах играя,
Она несёт. А мёртвые идут.
Садятся здесь и переправы ждут.
Когда ж конец? Но ни конца,
ни края.

БАХЧА

1

Солнце жжёт тополя. Перевитые
жилы
Крутолобых корней роют дёрн и
песок.

Над вороньими гнёздами
Гнёзд старожилы
Зноем плещут и падают
наискосок.
Заплелись-расстелились
арбузные плети,
Лето стрепетом бьётся над
золотом дынь.
Осы чертят круги, и с махровых
соцветий
Горький запах роняет седая
полынь.
Дышит август расшитым
степным дастарханом!
Тучи по небу к вечеру ходят
гужом...

Я арбуз для тебя, внучка
славного хана,
Рассекаю на части казацким
ножом.

Брызжут семечки!
Ешь!
Наше лето созрело!
Твои руки нежны, твои губы
влажны.

У меня есть к тебе неотложное
дело
Прямо здесь и сейчас, посередине
страны!

Рядом с этой полынью духмяной
и горькой,
Возле этой тропы, что в бахчу
завела...

Конь арбуз добирает, и, хрупая
коркой,
Осторожно и мягко трясёт
удила.

Не стреножен, не спутан, стоит,
не отходит,
И глазищами, полными света и
тьмы,

